

- Knox 1961: Knox, N. The Word "Irony" and its Context [Text] / Knox N. – Durham (N.C.): Duke University Press, 1961. – 258 p.
- Łaguna 1984: Łaguna, P. Ironia jako postawa i jako wyraz (z zagadnień teoretycznych ironii) [Text] / Łaguna P. – Kraków: Wydawnictwo Literackie Kraków-Wrocław, 1984. – 91 s.
- Leech 1983: Leech, G. Principles of Pragmatics [Text] / G. Leech – London: Longman, 1983. – 250 p.
- New Webster's Dictionary and Thesaurus of the English Language [Text] – Danbury: Lexicon Publications, Inc., 1993. – 1284 p.
- Searle 1975: Searle, J. Indirect Speech Acts [Text] / J. Searle // Syntax and Semantics. Speech Acts. Ed. by P. Cole and J. Morgan. – New York: Academic Press, 1975. – Vol.3 – P. 59-82.
- Tanaka 1996: Tanaka, N. The Pragmatics of Uncertainty [Text] / N. Tanaka // Pragmatics and Language Learning. Ed. Bouton L. – 1996. – № 7. – P. 119-141.

Джерела

- Гуцало 1996: Гуцало, Є. Твори в п'яти томах: Повісті [Текст] / Є. Гуцало. – К.: Дніпро, 1996. – Т.2. – 461 с.
- Коломієць 1985: Коломієць О. Убий лева! Сторінки буття [Текст] / О. Коломієць. – К.: Мистецтво, 1985. – 52 с.
- Франко 1979: Франко І. Перехресні стежки [Текст] / І. Франко Зібрання творів: У 50-томах. – Т. 20. Повісті та оповідання. – К.: Наук. думка, 1979. – 482 с.

В статье рассмотрена ирония как лингвистическое явление в структуре прагматики межличностного общения. Очерчиваются функционально-коммуникативные особенности иронических высказываний, разграничиваются ирония как лингвистическое явление и ирония как стилистический приём.

Ключевые слова: ирония, опосредствованные иллокуции, пресуппозиция, максима такта, межличностное общение.

The article is focused on the indirectness as the strategy of interpersonal communication and on the role of such a traditional stylistic device as irony in the hinting strategy. Moreover, a distinction between irony as the linguistic phenomenon and as a stylistic device has been suggested.

Key words: irony, indirect illocution, presupposition, Tact Maxim, interpersonal communication.

Надійшла до редакції 21 січня 2010 року.

Юрій Дорофеев

ББК А45=81-923

УДК 81'42: 81'37

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ МОДИФИЦИРОВАННЫХ ФОРМ И ЗНАЧЕНИЙ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТЕ

У статті розглядаються процеси утворення оказіональних одиниць у текстах продуктивної семантики з погляду функціональної обумовленості мовленнєвої діяльності людини. Доводиться необхідність враховувати роль структурних та семантичних особливостей окремих одиниць у процесах репрезентації і категоризації індивідуального досвіду носіїв мови.

Ключові слова: текст, антропоцентризм, досвід, семантична аномалія.

В последние десятилетия развитие языкознания «было отмечено вполне определённым переключением внимания многих лингвистов с вопросов, касающихся того, «как устроен язык», на выяснение того, «как он функционирует» [Булыгина, Шмелев 1997: 244]. Поэтому тезис о том, что именно в деятельности человека «следует искать источник возникновения средств производства языка» [Звегинцев 2008: 158], сегодня не подвергается сомнению. Когда говорят о творческой деятельности, основанной на языке, то «имеют в виду прежде всего способность человека каждый раз заново порождать завершённое оригинальное высказывание из стандартных строевых элементов» [Караулов 2006: 240]. Однако, как отмечает Ю.Н. Караулов, «По мере формирования языковой личности и овладения языком происходит усиление лексикализации, т.е. становится прецедентным, а значит, предсказуемым грамматическое поведение каждого слова, и ослабление грамматикализации, т.е. ограничение возможностей к свободной комбинаторике» [Караулов 2006: 160]. Таким образом, творческое начало при организации всегда обусловлено навыками использования языковых средств, их упорядочения в рамках текста, но овладение языком предполагает усвоение некоторых конвенциональных приемов построения речи, что значительно ограничивает проявление речетворчества.

Текст как система, следовательно, может рассматриваться двояко: с одной стороны, как реализация конвенциональной по своей сути языковой системы, а с другой, как отражение фактов объективной

действительности в сознании того, кто продуцирует текст. Во втором случае объектом изучения становится интенциональное использование языковых единиц в речи, поскольку каждый говорящий с необходимостью обращается к приемам, которые позволяют преодолеть «автоматическое» использование языковых средств: «Значение говорящего принято противопоставлять конвенциональному значению как отходящее от некоторых общепринятых в данном языковом сообществе норм и правил интерпретации знаков» [Кравченко 2001: 129]. При этом следует учитывать, что «Грамматические единицы, так же как и лексические, могут участвовать в стремлении говорящего преодолевать стандартизованность языковых конструкций» [Ремчукова 2005: 54]. Эта необходимость преодоления языковой традиции вызвана потребностью зафиксировать в тексте опыт, не имеющий узуального выражения в языковой картине мира.

В связи с этим **целью** работы является анализ функциональной и прагматической обусловленности процессов преобразования форм и значений языковых единиц в тексте, который рассматривается как средство отражения авторского видения мира.

Достижение этой цели предполагает решение следующих **задач**:

- охарактеризовать текст как средство трансляции индивидуального опыта;
- выявить собственно лингвистические механизмы передачи интенциональных значений;
- определить особенности возникновения семантических аномалий.

Прежде всего следует обратить внимание на тот факт, что в нашей работе различаются тексты непродуктивной семантики и тексты продуктивной семантики [Брудный 1998: 257]. Организация первых подчиняется устоявшимся нормам и не выходит за рамки узуса. Эта особенность свидетельствует о приспособленности отдельного вида речи к процессу человеческого общения, а соблюдение норм обеспечивает адекватное восприятие текстов и, следовательно, является залогом успешной реализации намерений говорящего. Отступления от норм выражения для данного типа текстов нежелательны. Однако содержание текстов продуктивной семантики (особенно художественных текстов) часто требует для своего выражения использования неконвенциональных структур, которые не могут рассматриваться как нарушение правил. Нередко продуцирование парадоксального по своей сути высказывания входит в намерения говорящего. Следовательно, подобные случаи ненормативного использования языковых средств выполняют определённые функции в тексте и отражают интенции говорящего/пишущего. Ведь «Мир может быть понят только через посредство неповторимо конкретного индивидуального опыта» [Брудный 1998: 129], а конвенциональные языковые средства далеко не всегда позволяют выразить индивидуальное видение мира в полной мере, и человек говорящий вынужден искать формы, которые будут соответствовать его замыслу. И поскольку каждый текст содержит в себе новое знание о мире, то выражение этого знания может быть достигнуто только путем различных формальных и семантических модификаций общеупотребительных единиц.

Объектом нашего исследования являются тексты продуктивной семантики и мы попытаемся рассмотреть возникающие в них грамматические и лексические окказионализмы в аспекте отражения ими индивидуального авторского опыта, поскольку, по нашему мнению, появление подобных новообразований реализует механизм приспособления языка к нуждам говорящего.

Тексты продуктивной семантики, как правило, строятся на основе различных семантических аномалий, форма выражения которых бывает весьма различной. При этом необходимо указать, что образование семантической аномалии предполагает не просто использование окказиональных слов, но прежде всего особенности сочетания языковых единиц (морфем, слов, словосочетаний и др.): «*Слишком поздно пытаться тебя придумать назад*» (И.Кормильцев); «*Колесницегонитель спит, Колесница стоит*» (В.Бутусов). И здесь очень важной оказывается близость грамматики и лексики, отмеченная Ю.Н. Карауловым (см. выше), поскольку «Характеристика каждой единицы определяется взаимообусловленностью ее **формы, значения и функции**» [Золотова 2001: 108]. Также необходимо подчеркнуть, что «и лексическое, и грамматическое значения имеют единую гносеологическую природу, которая обнаруживается в соотносительности планов содержания единиц лексики и грамматики с внеязыковой действительностью» [Алефиренко 2005: 211].

По словам Б.М. Гаспарова, «всякий акт употребления языка – будь то произведение высокой ценности или мимолетная реплика в разговоре – представляет собой частицу непрерывно движущегося потока человеческого опыта» [Гаспаров 1996: 9]. Н.А. Рудяков пишет: «сущность языка состоит в том, что он выражает не только деятельность мысли – понятия, суждения, но еще и представления, заключающие в себе чувственно-волевое отношение к понятиям и суждениям» [Рудяков 1993: 11]. Эти утверждения приобретают принципиальное значение в процессе анализа соотношения между формой и содержанием текста, поскольку становится ясно, что текст представляет собой не непосредственное отражение действительности, он выражает субъективное отношение автора к миру, явлениям, фактам, представлениям и т.д. Поэтому, если в языке, в его лексических и грамматических значениях, в той или иной степени фиксируются результаты человеческого познания, имеющие социальное значение, то следует рассматривать тексты как средство трансляции индивидуального опыта, который представляет, по мнению автора высказывания, определенную ценность (о двух разновидностях знания см. [Кравченко 2004: 16]).

Наиболее распространено убеждение, что индивидуальность текста проявляется в «языковой игре – креативной языковой деятельности говорящего, проявляющейся в необычном (нестандартном, нетривиальном) употреблении языковых средств или их индивидуальном создании для достижения определенных стилевых

эффектов (иронии, комизма, балагурства, остролівия)» [Шелякин 2005: 276]. Однак Е.Н. Ремчукова відзначає, що «масові інновації, в основі яких лежить важливіше властивість епохи – посилення особистого, творчого початку» [Ремчукова 2005: 41] є характерною рисою прози і поезії постмодернізму і тому закономірним є те, що в сучасній літературі широко використовуються різні авторські новоутворення, що відображають індивідуальне розуміння фактів і явищ оточуючого світу. В основі семантичної і граматичної окказиональності лежать типові мовні механізми, і те і інші реалізують потенціальні можливості мовної системи.

Як правило, окказиональні одиниці розглядають з точки зору експресивної і емоційно-образної, що іноді призводить до одностороннього трактування їх змісту. А ось експресивність тексту не зводиться до використання тих чи інших слів чи конструкцій. М.М. Бахтін відзначав: «В різних сферах мовного спілкування експресивний момент має різне значення і різну ступінь сили, але є він всюди: абсолютно нейтральне висловлювання неможливо» [Бахтін 2000: 279], вказуючи, що експресивний момент – це суб'єктивне емоційно-оцінювальне ставлення мовця до предметно-смысловому змісту свого висловлювання. Таким чином, вибір зображуваних фактів дійсності і весь мовний матеріал, що використовується для створення тексту, пов'язані з експресивністю авторської думки. А використання нетрадиційних засобів вираження переслідує передусім мету висловити новий зміст, який не узгоджується зі знаннями про предмет зображення і тому поки що не знає відображення в мовній картині світу: «*Тем часом відбувається далекіше в нижчеописаній послідовності: бодрення, умивання, одягання*» (В.Бутусов), «*яка гірка пам'ять – пам'ять про те, про те, що буде потім*» (І.Кормильцев).

Ю.М. Лотман, обговорюючи особливості структури художніх текстів, писав: «Ніяких мовних несподіванок в нормальній мовній діяльності бути не повинно. В поезії справа обстає інакше – найкращий її побудова інформативна і все час повинна відчуватися як неавтоматична» [Лотман 1972: 127]. Тому «виконувати функцію «хороших віршів» в тій чи іншій системі культури можуть тільки тексти високої для неї інформативності. А це означає конфлікт з читальським очікуванням, напруження, боротьбу і в кінцевому підсумку нав'язування читачеві якоїсь більш значимої, ніж звична йому, художньої системи» [Лотман 1972: 130]. Як нам здається, одним з способів деавтоматизації читальського сприйняття і є окказиональні утворення, що змушують читача побачити предмет зображення в новому світлі: «*А ви бачили коли-небудь опалення?; «Блини з воздухорослих і ватерброди – це дуже корисна і поживна їжа»; «У неї сьогодні заняття по подоланню невидимих перешкодж. Воздухореографія, одним словом»*» (В.Бутусов).

Безсумнісно, в цих прикладах звертають на себе увагу окказиональні номінативні одиниці, тому нерідко спостерігається тенденція розглядати саме лексику мовної особистості як найбільш зрозумілу з можливих керівництв до розуміння мисльової діяльності людини. Однак, спостереження над використанням нетрадиційних мовних одиниць в текстах продуктивної семантики призводять нас до висновку, що в основі своїх подібних явищ лежить не звичайне співвідношення форм чи слів, а є наслідком виникнення оригінальних синтагматических і парадигматических зв'язків, які ми і розглядаємо як семантичні аномалії, оскільки синтагматика і парадигматика розглядають «не тільки сумісні властивості мовних одиниць, але і перетворення, яким вони підлягають при з'єднанні» [Шелякин 2005: 160]. Так, в реченнях «*Кровать выгибается пружинистым мостиком во всю свою железную стельку и издаст свежесжатый восторженный симфонический клич*» (В.Бутусов); «*тень ко мне повернулась спиной, тень уже не танцует со мной*» (І.Кормильцев) слова *свежесжатый, симфонический клич, тень* набувають нове значення завдяки розширенню їх семантичної валентності.

Таким чином, виникнення нового змісту в тексті є результатом співвіднесення мовних одиниць між собою і їх ставлення до загальної мовної практики: В частині, «Креативні можливості, приховані в самій граматичній одиниці мови, як правило, базуються на порушенні граматичної норми, що створює ефект форми оновленої, несподіваної» [Ремчукова 2005: 310]. Тому, коли ми зустрічаємо речення «*Люди с пишущими стиральными швейными электронными машинками машинами машиницами*» (І.Кормильцев), ми порівнюємо його структуру з принципами організації рядів однорідних і неоднорідних визначень і бачимо, що тут порушені зв'язки між визначеннями і визначуваними словами (всі визначення стосуються і до машинок, і до машин, і до машиниць), внаслідок чого формується образ громоздких механізмів, що оточують людину.

Важко відзначити, що таке «порушення норми» не є чимось маргінальним по відношенню до системи мови, оскільки і утворення нових слів, і встановлення нових зв'язків між формами слів підкоряються загальному мовному механізму, що і обумовлює можливість їх розуміння реципієнтом: «*Затворившись рукописці, стиснув зуби, с хрустом розминають затекші кончики перьев», «Эхолов ставит свой высокомерный сапог на внутреннюю часть кольца», «Она делает длинный пuffed и отодвигает от себя обсуудренный творческий кекс»*» (В.Бутусов).

В подібних випадках спостерігається процес боротьби між представленням автора про предмет зображення і необхідністю висловити це представлення. Вже «Знання само по собі граматики, амодально і синкретично по відношенню до предмету і дії (його чи над ним), значення ж завжди

опосредовано грамматикой, отягощено частеречными, категориальными, модальными ограничениями, на нем лежит печать межзнаковых отношений» [Караулов 2006: 209]. Помимо этого следует учитывать тот факт, что «Образ, вызываемый тем или иным выражением в представлении того или иного говорящего субъекта, отражает индивидуальный жизненный опыт и уникальные перцептивные способности именно этой личности и никогда не бывает тождественен тому образу, который это же выражение вызовет в сознании любого другого говорящего субъекта» [Гаспаров 1996: 284]. Поэтому автор с неизбежностью должен учитывать тот фон, на котором воспринимается его произведения, и возможную степень отклонения от известных читателю способов выражения, чтобы текст не утрачивал в глазах воспринимающего связности (как, например, в некоторых произведениях футуристов и сюрреалистов), был доступен восприятию и обладал смыслом.

В качестве примера подобных образований можно привести следующие: «*Назревающие скульптурности безропствуют в ожидании прикосновения уверенной хозяйской руки*», «*Живет он в эмоционариуме, где преимущественно спит*», «*Верика наблюдает за плавучими берегами, сидя по плечи в теплой воде где-то между Странглией и Мямликой*» (В.Бутусов). В этих предложениях встречается ряд слов, которых нет в словарях, однако понимание данных фраз (в том числе и неизвестных слов) не вызывает у нас больших трудностей. Происходит это, прежде всего, благодаря продуктивности морфем, использованных автором (суффиксы, - *ость*, - *ств*, префикс *без-*), или прозрачности мотивирующих основ (*страна* + *Англия*, *мямить* + *-суффикс -к-*).

Ю.М. Лотман определял поэтический текст как «мощный и глубоко диалектический механизм поиска истины, истолкования окружающего мира и ориентировки в нем» [Лотман 1972: 131]. Исходя из этого положения, характеризующего прагматическую направленность текста, мы полагаем возможным рассматривать текст как систему, функцией которой является воздействие на картину мира реципиента, которое «может быть осуществлено только путем преобразования значений слов или словосочетаний» [Рудяков, Дорофеев 2007: 35]. Поэтому все неконвенциональные сочетания языковых единиц в тексте имеют своей целью противопоставление авторского отношения к предмету изображения общепринятому представлению о нем [Рудяков 1993: 21]: «*Если ты хочешь – сделай белой мою тень*», «*Любовь – это газ без цвета и запаха*» (И.Кормильцев). И здесь вновь становится явным процесс взаимодействия формальных и содержательных характеристик языковых единиц, подвергающихся переосмыслению: вследствие того, что грамматическая подсистема выражает «наиболее общие и существенные свойства и отношения событий, а также интерпретацию их говорящим, его коммуникативные установки и тем самым организует из слов сообщения о событиях» [Шелякин 2005: 148-149], лексическое значение подвергается значительным модификациям, и, следовательно, появление новой семантики, является следствием выбранной автором формы.

На основании изложенных наблюдений можно сделать следующие выводы.

Антропоцентрический подход к многообразным модификациям языковых единиц в текстах позволяет выявить закономерности развития языковой системы в процессе ее реализации в речевой деятельности. Творческая реализация в текстах разных жанров и стилей креативного потенциала подсистем языка свидетельствует о том, что «живой язык нельзя заковать в кандалы академических предписаний и запретить ему развиваться, породить новые явления, отвечающие потребностям общества» [Звегинцев 2008: 25].

Однако необходимость выражения в тексте своего индивидуального опыта восприятия и концептуализации мира не означает абсолютного произвола, поскольку языковые единицы, соотносятся с реальной действительностью и отражают общую и социально значимую для носителей языка. Поэтому выбор тех или иных языковых средств и форм их организации в единое целое обусловлен функциональной направленностью текста, который должен быть доступен восприятию реципиента и при этом отражать новое представление о предмете изображения.

Таким образом, специфика текста определяется интенциональным использованием общеязыковых средств с целью создания семантических аномалий, позволяющих автору выразить свое индивидуальное видение мира. Собственно лингвистический механизм создания семантической аномалии заключается в одновременном преобразовании форм и значений ряда языковых единиц, включенных в текст. Подобные модификации могут приводить и к появлению окказиональных образований, функция которых – преодоление автоматизма восприятия текста реципиентом. Предмет изображения предстает в непривычном виде, вследствие этого возникает конфликт с представлениями читателя, и в конечном итоге становится возможным преобразование фрагмента читательской картины мира.

Литература

Алефиренко 2005: Алефиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики: Монография [Текст] / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с. – 1500 экз. – ISBN 5-7333-0164-3.

Бахтин 2000: Бахтин, М.М. Проблема речевых жанров [Текст] / М.М. Бахтин // Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 249-298. – 7000 экз. – ISBN 5-267-00272-0.

Брудный 1998: Брудный, А.А. Психологическая герменевтика [Текст] / А.А. Брудный. – М: Изд-во «Лабиринт», 1998. – 336 с. – Библиогр.: с. 325-330. – 1000 экз. – ISBN 5-87604-044-4.

- Булыгина, Шмелёв 1997: Булыгина, Т.В., Шмелёв, А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) [Текст] / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелёв. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с. – 1000 экз. – ISBN: 5-88766-051-1.
- Гаспаров 1996: Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования [Текст] / Б.М. Гаспаров. – М.: «Новое литературное обозрение», 1996. – 352 с. – 2000 экз. – ISBN 5-86793-020-3.
- Звегинцев 2008: Звегинцев, В.А. Мысли о лингвистике [Текст] / В.А. Звегинцев / Предисл. В.М. Алпатов. Изд. 2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 336 с. – (Из лингвистического наследия В.А. Звегинцева). – Библиогр.: с.327-334. – 2000 экз. – ISBN 978-5-382-00641-3.
- Золотова 2001: Золотова, Г.А. Грамматика как наука о человеке [Текст] / Г.А. Золотова // Русский язык в научном освещении. – 2001. – №1. – С.107-113. – Библиогр.: с.113.
- Караулов 2006: Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М.: КомКнига, 2006. – 264 с. – 2000 экз. – ISBN 5-484-00509-4.
- Кравченко 2001: Кравченко, А.В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка [Текст] / А.В. Кравченко. – Иркутск: Издание ОГУП «Иркутская областная типография № 1», 2001. – 261 с. – Библиогр.: с. 241-261. – 2000 экз. – ISBN 5-7971-0100-9.
- Кравченко 2004: Кравченко, А.В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации [Текст] / А.В. Кравченко. – Иркутск: Изд. Иркут. гос. Ун-та, 2004 – 206 с. – Библиогр.: с. 184-201. – 500 экз. – ISBN 5-7430-0412-9.
- Лотман 1972: Лотман, Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха [Текст] / Ю.М. Лотман. – Л.: Просвещение, 1972. – 350 с. – 5000 экз.
- Ремчукова 2005: Ремчукова, Е.Н. Креативный потенциал русской грамматики [Текст] / Е.Н. Ремчукова. – М.: Изд-во РУДН, 2005. – 329 с. – Библиогр.: с. 315-325. – 500 экз. – ISBN 5-209-01802-4.
- Рудяков, Дорофеев 2007: Рудяков, А.Н., Дорофеев, Ю.В. Homo textus: человек в паутине текстов, или учебник чтения для умеющих читать [Текст] / А.Н. Рудяков, Ю.В. Дорофеев. – Симферополь: мсп «Ната», 2007. – 176 с. – Библиогр.: с. 167-173. – 1000 экз. – ISBN 978-966-8926-35-8.
- Рудяков 1993: Рудяков, Н.А. Поэтика, стилистика художественного произведения [Текст] / Н.А. Рудяков. – Симферополь: Таврия, 1993. – 146 с. – Библиогр.: с. 139-141. – 300 экз. – ISBN 5-7780-0676-6.
- Шелякин 2005: Шелякин, М.А. Язык и человек: К проблеме мотивированности языковой системы: учебн. Пособие [Текст] / М.А. Шелякин. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 296 с. – Библиогр.: с. 286-290. – 1000 экз. – ISBN 5-89349-829-1.

В статье рассматриваются процессы образования окказиональных единиц в текстах продуктивной семантики с точки зрения функциональной обусловленности речевой деятельности человека. Обосновывается необходимость учитывать роль структурных и семантических особенностей отдельных единиц в процессах репрезентации и категоризации индивидуального опыта носителей языка.

Ключевые слова: текст, антропоцентризм, опыт, семантическая аномалия.

In article processes of formation of occasional units in texts productive semantics from the point of view of functional conditionality of speech activity of the person are considered. Necessity to consider a role of structural and semantic features of separate units in processes representation and categorisation of individual experience of speakers.

Keywords: text, anthropocentrism, experience, semantic anomaly.

Надійшла до редакції 27 січня 2010 року.

Ганна Пасько

ББК Ш 81.432.1-7

УДК 811.11+81'42

МОВЛЕННЕВИЙ ЖАНР ЗАГАДКИ: СТИЛІСТИЧНИЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРІАЛІ АНГЛІЙСЬКОЇ МОВИ)

У статті увагу зосереджено на основних засобах творення мовленнєвого жанру загадки в межах художнього стилю, зокрема розглянуто випадки вживання тропів та фігур мови. Прокоментовано вияв художньої сутності загадки через її діалогічну будову.

Ключові слова: загадка, денотат, мовленнєвий жанр, художній стиль.

За визначенням О. Селіванової, мовленнєвий жанр характеризується «певним тематичним змістом, композиційною структурою, відбором фонетичних, лексико-фразеологічних, граматичних, стилістичних засобів й інтенційно-прагматичними особливостями» [Селіванова 2006: 356]. Об'єктом уваги пропонованої статті постає одна з цих невід'ємних конститутивних характеристик мовленнєвого жанру загадки, а саме – стилетвірні засоби його організації.